

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Journal of Philosophical Research
Has been issued since 2014.

ISSN: 2408-9435

E-ISSN: 2413-7286

Vol. 5, Is. 1, pp. 13-17, 2016

DOI: 10.13187/ejpr.2016.5.13

www.ejournal17.com

UDC 7.01

Crisis of Metaphysics

Fedor I. Girenok

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
119991, Moscow, GSP-1, Lomonosovsky Avenue, house 27, case 4
Doctor of Philosophy, professor, head of the department of philosophical anthropology
E-mail: girenok@list.ru

Abstract

The article is devoted to a problem of crisis of metaphysics. According to the author, the essence of this crisis consists in verbal revolt. One words, such as «substance», «essence», are defined by themselves. Others – are in the subordinated situation, and now they demanded equality. After a modernist style in philosophy there are no final instances, there are no main words. All words are equal now. And if they are equal then philosophy as the metaphysics comes to an end and the philosophy as physics begins. And if the philosophy as physics begins, it means that the philosophy in general disappears. It appears either literature, or physics. In anthropology crisis of metaphysics is swept up shift of interest in madness. Pathology – now a key to norm, but not norm – a key to pathology. Crisis of metaphysics is expressed also in idea about death of the subject. The subject is connected with existence in the world of rules, clear norms, laws and sequences. Behind borders of these norms – chaos. According to the author, time of the subject passed, there came subjectivity time. And it conducts to disappearance in philosophy of epistemological problems. Philosophy not knowledge, but meanings interest.

Keywords: metaphysics, subject, subjectivity, dreams, Another, objectivity, mind, madness, chaos, Bunyuel.

Введение

Среди современных философов не утихают разговоры о смерти метафизики или, что одно и то же, о кризисе субъекта. Лучше всего о кризисе субъекта рассказал Бунюэль в фильме «Скромное обаяние буржуазии».

Рассмотрим фильм и проблему в целом с точки зрения неклассических теорий человека, которые исходят из аутистической сущности сознания человека [1].

Бунюэль

В фильме «Скромное обаяние буржуазии» шесть человек никак не могут встретиться, чтобы вместе поужинать. Им все время что-то мешает. Четверо из них приходят в гости в дом к двум своим друзьям, а их никто не ждал. Кто-то из них перепутал время встречи. Все вместе они идут в ресторан, но ресторан закрыт, вернее, открыт, но в нем хоронят умершего хозяина. Дамы хотят выпить чай в кафе, но в нем нет чая. Они просят вино, а кафе безалкогольное. Они просят кофе, а кафе закрывается.

Время субъекта прошло, – говорит Бунюэль, – наступило время субъективности. И это ощущается во всем. Во всем видна нехватка субъекта, везде заметно его отсутствие. Только это отсутствие в фильме пока еще воспринимается не трагически, не как недостаток бытия, а скорее как мелочи быта. Бунюэль знает, что к буржуазии навсегда пристал запах денег, что она связана с финансовыми преступлениями и торговлей наркотиками. Но он это не хочет обсуждать. Его интересует другое: субъективность буржуа на уровне тихой повседневности быта. Субъективность, которая не грезит о воли к творчеству, но знает, как нужно пить сухое Мартини. И эта субъективность ему симпатична. Герои фильма ничего не хотят. Они эмоционально выгорели. Но дело не в них, а в мире, в котором они живут. В этом мире оказались нереализуемыми простые действия, элементарные желания. Скромное обаяние буржуазии Бунюэль видит в том, что она еще может грезить, и поэтому у нее пониженная реакция на окружающий мир. Ее жизнь – это жизнь вперемешку со сновидениями. Субъективность обесмысливает смыслы объективной реальности. Но никто еще не жаждет смерти субъекта, как в фильме Годара «Прощай речь» [2].

Мир без субъекта

В мире Годара нет больше событийности, в нем, как в книге Янна, река существует без берегов [3]. В современном мире, действительно, нет ни идеологов, ни вождей. Нет так называемых субъектов политики. И главное, никто не хочет, чтобы они были. Всех нас окружают бюрократы, чиновники, амебы субъективности, которые наугад выбрасывают содержимое своей субъективности и называют это политикой. И мы их терпим, хотя и относимся с пренебрежением.

В бессубъектном мире коммунисты – это уже не коммунисты, а тусклый свет потухшей звезды. И даже правые – это совсем не правые, а убитые толерантностью левые. Но противнее всех насекомые демократии, а также финансовая саранча, пожирающая остатки былой субъектности человека. Из культуры ушли безумцы. В ней остались одни рационалисты. Рациональный субъект в экономике умер. В ней теперь, как и везде, доминирует субъективность. А субъективность, как в последнем кадре фильма Бунюэля, возникает тогда, когда люди идут неизвестно откуда неизвестно куда.

Субъект

Субъект – это другой, присутствие которого создает в нас ощущение обмана. Другой – это не тот, кто смотрит тебе в лицо. Другой – это тот, кто смотрит тебе в спину. Под субъектом в философии понимается универсальный другой, тот, кто видит и твое лицо, и одновременно твою спину. У субъекта нет ни спины, ни лица. Ему нечего опасаться. Мир для него прозрачен и ясен. Субъект не создает субъективность, он создает иллюзию объективности, окружая себя объектами. Все, что делает субъект, держится усилиями субъекта, а не причинными отношениями. Следовательно, в мире всегда есть то, что держится причинами и требует субъективности хозяина, и еще в нем есть то, что держится субъектом и требует объективности. Между субъективностью человека и объективностью субъекта возникает конфликт, подобный конфликту в пьесе Чехова «Вишневый сад». Лопехин хочет продать сад и заработать деньги. И это соответствует объективной логике событий. Раневская мечтает жить, как жила, полагая, что все как-нибудь образуется. И это соответствует субъективным желаниям.

Субъективность

Настоящий источник хаоса – это субъективность. Она противостоит телам и субъектам. Субъективность – это не цвета и не запахи. Не то, что можно, как думали психологи, прикрепить к телу. Видеть в цвете – не значит быть субъективным, а иметь аппетит – не значит иметь волю. Это значит быть живым. Но субъективность – это и не некое внутреннее, образуемое разными складками; не то, что делает субъект. Быть субъективным – значит предоставлять себя действию сил воображаемого.

Предоставить себя – значит изменить сознание, создать в нем второй план. Для того чтобы появился второй план, нужно заселить мир призраками, то есть такими вещами, которых нет, но которые существуют, если к ним относятся как к чему-то действительно существующему.

Вот с этого отношения к несуществующему и началась история человека, его субъективности. Если бы в мире не было субъективности, то в нем ничего бы не было. А поскольку она есть, постольку в мире есть изнанка и обман. И мы живем не в мире дословного, а в мире спекуляций.

Субъективность – это весть из мира воображаемого параллельному миру реального. Мерой субъективности является не аффект и даже не эмоция, а воля. Хотя силой воли только и может быть энергия взорвавшейся эмоции, проснувшегося, как вулкан, аффекта. Представление о том, что есть какой-то ум, который вступает в борьбу с аффектами, создает иллюзорную онтологию субъективности. Иллюзия состоит в разделении субъективности на две части – на ум и аффекты. В мире нет никакого ума, нет логики. В нем есть, с одной стороны, тела и силы [4], а с другой, – субъективность и воля. И субъект существует не потому, что есть тела, а потому, что есть субъективность, в которой волей к объективности учреждается субъект.

Кризис: разрыв между субъективностью и субъектом

Мир без субъективности – это пустой мир тел и сил, в котором некому возвращаться к себе. В нем нет необратимости, ибо всякая необратимость – субъективна. Мир тел очаровывает вечным повторением одного и того же космического порядка. Вернуться в нем – значит потерять время. Физический мир – это мир, потерявший время, вселенная одного момента, длящегося вечно.

Либо мир един и цел, и тогда в нем нет субъективности, либо в нем есть самоотнесение, и тогда он разорван на субъективное и реальное. И объединить его нельзя даже в слове «бытие». Было бы ошибкой думать, что субъективность – это какое-то добавление к объективному. Первый кризис субъекта был связан с разрывом между субъективностью и принципом объективности.

Мир субъективности – это мир, безнадежно испорченный субъектом, ибо то, что держится субъектом, держится во времени. Искушение субъекта состоит в том, чтобы свое содержание попытаться удержать посредством тел и сил, встроенных в цепь причин и следствий.

Второй кризис субъекта проявляет себя с неожиданной стороны. Он обнаруживает себя в мире, в котором невозможно выполнить самое простое действие. Герои фильмов Бунюэля – это не персонажи из книг Камю, они вряд ли решатся на действие без надежды на успех. А герои последнего фильма Годара даже не пытаются придать смысл бессмысленности. Они не смогли реализовать простой базисный акт понимания в отношении друг друга.

В мире, который мы не понимаем, жить невозможно, ибо это мир состоит из смеси тел и грез. Тем самым, человеку угрожает не забвение бытия, ибо бытие – это всего лишь вопрошание о бытии со стороны субъективности, а возможный разрыв между человеком и субъективностью. Призраки, учрежденные человеком, объявили себя независимыми от человеческой субъективности. Разрыв между человеком и природой позволил создать цивилизацию. Разрыв между человеком и субъективностью создает новую когнитивную ситуацию, угрожающую существованию человека. Эта угроза – умное и неживое тело [5].

Субъект без субъективности

Сознающий себя субъект находит свой предел в интеллекте, который не нуждается в сознании. Сознание, застревая на всяких мелочах, мешает ему мыслить. Субъект без субъективности узнается теперь как машина, как автомат, как умное тело, которое возвещает когнитивную смерть человека. Эта смерть – миг торжества в мире тел и сил, ибо она возвещает конец действиям, в основании которых лежит субъективность. Сегодня пришло время для действий, в основании которых лежит чистое знание. Воля уступает место знанию и силам, которым не предшествует пробуждение аффекта. Вулканы субъективности спят, тела торжествуют.

Метафизика

1. Что такое метафизика? Это усилия человека на обычном языке сказать то, что на нем плохо высказывается. Метафизика создает правило, по которому одни слова естественного языка соотносятся с другими словами как рубрики бытия. То есть как слова,

которые не отсылают к другим словам, а отсылают только к самим себе. Тем самым предполагается, что еще есть слова, которые ссылаются не на себя, а только на другие слова. Первые объявляют себя главными, а вторые оказываются второстепенными. Главные слова объявляют себя последней инстанцией, а все остальные слова должны получать смысл через соотнесение с ними, то есть должны повиноваться.

Что такое кризис? Это бунт, устроенный подчиненными словами. После модерна в философии нет последних инстанций, нет главных слов. Все слова равны. А если они равны, то тогда философия как метафизика заканчивается и начинается философия как физика. А если начинается философия как физика, то это значит, что исчезает философия вообще. Она оказывается либо литературой, либо физикой.

В антропологии кризис метафизики замечен следующим образом: заумное, безумное или неразумное стало пониматься не как отклонение от разума, а как его условие. Патология – теперь и навсегда ключ к норме, а не норма – ключ к патологии.

По словам Гегеля в «Энциклопедии философских наук», чтобы стать умным, прежде нужно сойти с ума. Что значит сойти с ума? Нужно грезить и свои грезы полагать в качестве первой реальности. Помимо этого под словом «ум» после модерна понимается только расчет, только вычисление. Ум связан с числом и логикой. При этом модерн полагал, что число делает мир свободным от заблуждений. Казалось, что число и ложь несовместимы друг с другом. После модерна становится ясным, что логика лжет, а число дружит как с истиной, так и с заблуждением. Культура после модерна поняла, что она не может отличить призрак от вещи, мысль от бытия. Человеку после модерна ум не нужен. Вернее, наш ум теперь нужен не нам, а другому человеку. Этот другой хочет сделать нас послушными. Быть свободными после модерна означает только одно – отказаться от ума, спрятаться либо в безумии, либо в заумии. И язык нам теперь нужен не для того, чтобы выражать и сообщать мысли, а для того, чтобы лишить человека галлюцинаций. После модерна язык нам нужен для того, чтобы другие нас не понимали. Пока нас не понимают, нами нельзя манипулировать, нас нельзя поймать.

2. Кризис метафизики выражается еще и в идее о смерти субъекта. Субъект – это такое устройство, которое позволяет создать вокруг нас светлое пятно. В этом светлом пятне есть объяснимые правила, понятные нормы, законы и последовательности. А вот за границами этого светлого пятна есть тьма, там хаос, там нет порядка, там нет субъекта и туда нельзя соваться со своим разумом, со своей рациональностью.

После модерна субъект умер. А как мы об этом узнали? Философы, конечно, об этом говорят, но их понять трудно. Они не умеют, как Сартр, разъяснять свои мысли. И тогда за них эту работу начинают делать писатели или умные режиссеры. Вот Бюнуэль умный режиссер. Он очень тяжело переживал смерть субъекта. Все его фильмы об этой смерти. Его герои договариваются о встрече. Но все у них как-то не складывается, не получается. Все время возникают какие-то события, которые мешают встрече, откладывают ее, отодвигают. Наконец, террористы на них нападают и всех их убивают. Почему они никогда не встретятся? Потому что мы живем в мире, в котором наши простые желания становятся невыполнимыми. Вот ты хочешь посмотреть фильм «Доктор Фаустус» и никак у тебя это не получается. Мир против тебя. И ты один на один с ним.

3. Все это заставляет культуру после модерна искать убежище в материализме и коллективизме.

Примечания:

1. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М.: МГИУ, 2010. 247 с.
2. Rostova N.N. Immanentism in Art // European Journal of Philosophical Research, 2015, Vol. (4), Is. 2, pp. 90-96.
3. Girenok F.I. Godard about a Dilemma of the Person: to Live or to Tell // European Journal of Philosophical Research, 2015, Vol. (4), Is. 2, pp. 66-71.
4. Делез Ж. Лекции о Лейбнице. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 376 с.
5. Гиренок Ф.И. От техники к нооинженерии // Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова «Философия хозяйства». 2015. №2. С. 111-116.

References:

1. Girenok F.I. Autografiya yazyka i soznaniya. M.: MGIU, 2010. 247 s.
6. 2. Rostova N.N. Immanentizm in Art // European Journal of Philosophical Research, 2015, Vol. (4), Is. 2, pp. 90-96.
3. Girenok F.I. Godard about a Dilemma of the Person: to Live or to Tell // European Journal of Philosophical Research, 2015, Vol. (4), Is. 2, pp. 66-71.
4. Delez Zh. Lektzii o Leibnitse. M.: Ad Marginem Press, 2015. 376 s.
5. Girenok F.I. Ot tekhniki k nooinzhenerii// Al'manakh Tsentra obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fakul'teta MGU im. Lomonosova «Filosofiya khozyaistva». 2015. №2. S. 111-116.

УДК 7.01

Кризис метафизики

Федор Иванович Гиренок

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация
119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, дом 27, корпус 4
Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии
E-mail: girenok@list.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме кризиса метафизики. По мнению автора, суть этого кризиса заключается в вербальном бунте. Одни слова, такие, как «субстанция», «сущность», определяются сами через себя. Другие – находятся в подчиненном положении, и теперь они потребовали равенства. После модерна в философии нет последних инстанций, нет главных слов. Все слова теперь равны. А если они равны, то тогда философия как метафизика заканчивается и начинается философия как физика. А если начинается философия как физика, то это значит, что исчезает философия вообще. Она оказывается либо литературой, либо физикой. В антропологии кризис метафизики заметен смещении интереса к безумию. Патология – теперь ключ к норме, а не норма – ключ к патологии. Кризис метафизики выражается еще и в идее о смерти субъекта. Субъект связан с наличием в мире правил, понятных норм, законов и последовательностей. За границами этих норм – хаос. По мнению автора, время субъекта прошло, наступило время субъективности. А это ведет к исчезновению в философии теоретико-познавательных проблем. Философию интересуют не знания, а смыслы.

Ключевые слова: метафизика, субъект, субъективность, грезы, Другой, объективность, ум, безумие, хаос, Бунюэль.